

УДК 130.121

DOI: 10.17223/1998863X/39/3

В.И. Красиков

РЕФЛЕКСИРУЮЩЕЕ ВОСПОМИНАНИЕ В ФОРМИРОВАНИИ «Я»

Дается экспликация и рационализация некоторых процедур наших манипуляций с прошлым – в контексте поиска собственной базисной идентичности. Мы выделяем среди механизмов воспроизведения прошлого два типа воспоминания: психологическое и рефлексивное. Психологическое воспоминание весьма напоминает поведенческую активность. Рефлексивное воспоминание есть воспоминание-поиск самости – это целеполагающее и целесообразное воспоминание.

Ключевые слова: память, самосознание, рефлексивное воспоминание, психологическое воспоминание, целесообразная выборка.

Исследования по «memory studies» имеют своим «предметом прошлое, которое осталось в памяти человеческой общности, процессы его моделирования и переоткрытия в настоящем в зависимости от актуальной ситуации» [1]. Между тем, начиная с Августина [2], философской концептуализации пытались подвергнуть и механизмы памяти, непосредственно участвующие в процессах самоидентификации – порождения индивидуального самосознания. Первое без второго невозможно, поскольку память человеческой общности образуема памятью ее составляющих, а в основе этнокультурных идентичностей обнаруживается все то же индивидуальное человеческое «я». Нами рассматривается экспликация и рационализация некоторых процедур наших манипуляций с прошлым – в контексте поиска собственной базисной идентичности.

Нечасто мы размышляем над тем, что же такое есть «мы» в бесконечной веренице дней. Что же делает единым сознание ребенка, подростка и взрослого? Что остается константным в радикальных возрастных трансформациях интеллекта и воли? Нас не покидает чувство, что в чем-то основном мы пребываем такими, какими сформировались где-то в окрестностях юношеского возраста. Мы можем относиться и относимся со скепсисом к самим себе юным – в отношении образовательного уровня, волевых качеств и целеустремленности. Однако в отношении тех жизненных устремленностей, которыми мы были тогда охвачены и которые остаются, может быть в несколько иной форме, и по сей день, мы до сих пор крайне серьезны. Потому что это и есть собственно «мы». Постараемся ответить на вопрос: «Как, посредством каких процедур, формируется чувство "я" в содержании нашего сознания?» Каково то начало, которое консолидирует сознание и придает ему некий «ego-колорит», лежащий в основании наших фундаментальных устремленностей.

Во владениях памяти мы пребываем довольно часто: вспоминая, к месту и не к месту, приятные и постыдные эпизоды прежней жизни. Подобное вообще можно считать нормальной диахронной ситуацией сознания: параллелизм бытия-сейчас и бытия-в-прошлом. Вместе с тем эта «нормальность»

есть, одновременно, и экстраординарность, являясь метафизическим условием, собственно и делающим возможным само существование наших «я», самосознания. Лишь благодаря памяти создается, непрерывно поддерживается и удерживается *последовательность духовных значимостей*, которая и оформляется в чувство «Я».

Речь идет о комплексе значимых (ценимых, сильно волнующих), конкретно ориентированных эмоций, волевых самочувствий, мыслительных самоидентификаций, общих интуиций. Любое из подобных значимых состояний глубоко пережито нами, запомнено, превратилось в метку «нас самих». И каждое из них отнюдь не абстрактно, не есть некая голая мысль. Они пережиты нами как значимо-личностные моменты в неких рубежных эпизодах нашей биографии. В них мы и обретаем свою идентичность, становимся личностью.

Сюда относимы и уроки любви и обожания, а также это уроки ненависти и унижения. Это и громогласные чувства торжества, величия, самолюбования и удовлетворенности, как и мучительные, трогательные и жалостливые моменты. Имеются у каждого и постыдные, тщательно скрываемые ситуации переживаний нашей слабости, позора, когда мы не прошли испытание – перед другими или собой. Все это и складывается в амальгаму нашего «я», нашей личности. Мы знаем, что мы есть – *потому что помним*. Мы помним, что было ранее в разных жизненных ситуациях, и знаем, интуитивно прочерчиваем, как предположительно мы будем вести себя в дальнейшем. Только удерживая в памяти стержень своего биографического событийного ряда (наиболее волнующих нас событий), *мы и знаем себя*. Мы – и есть гроздь наших самых сильных переживаний, как бы нанизанная на стержень памяти. Однако все это остается, в большинстве случаев, на предсознательном, преактуальном уровне.

Собственно, именно потому память и порождает саму возможность рефлексии – отстранения от только-настоящего, этого вот момента. Это тот текст внутреннего пользования, который всегда ждет своего читателя и аналитика. Для самоанализа мы должны двинуться вспять во времени – даже хотя бы спустя минуту, к своим действиям или мыслям. Хотя воспоминание воспоминанию – рознь. Так, наличествуют воспоминания машинальные, ситуативно-ассоциативные, по некоторым поводам. Однако большая их часть есть не что иное, как общий неартикулированный смысловой поток нашего постоянно актуализирующегося ощущения своего присутствия (длительности) в мире [3]. Машинально окунаясь в него, подтверждая каждый раз свою самоидентичность. Лишь в подобном, спонтанно организованном переживании протекания времени и становится возможным само «я».

Знание о себе оформляется медленно и исподволь, наше чувство «я» формируется всегда подспудно. Чаще всего сформировавшееся стихийным образом реально-жизненное «я» девальвирует наши надежды и упования на что-то более возвышенное и необычное. Вместе с тем нередки и ситуации, когда самосознание запускает целенаправленный самоопределятельный поиск, связанный, как правило, с экзистенциальной мотивацией. Как правило, это принимает вид поиска своей «самости» – попытки более четкого и по возможности нейтрального, понятийного либо образно-интуитивного пред-

ставления о своих же основных особенностях: их оценка, критика и проектирование-с-надеждой.

Такое случается нередко и свойственно многим. Попытки ухватить свое «я», как-то зацепиться за более специфически-интимное, нежели общие расхожие социальные или поведенческие маркеры, довольно часты и принадлежат к массовым экзистенциальным потребностям. Мы почти постоянно о чем-то вспоминаем, «ближнем» или «дальнем», надеясь ухватить в них свои проявленные особенности. Это естественно-темпоральная ситуация наших сознаний, но она, как правило, скоротечна, потому что утомительна и дает скудные результаты. Надо ведь не столько «вычерпать» свои признаки, но и как-то их «агрегировать», а то и выстроить из них некий личностный узор. А это ведь еще более сложная мыслительная работа – уже конструирования «себя». Однако иногда некоторые из нас решаются, идут на это, пытаются делать это постоянно и настойчиво, методично, последовательно и целенаправленно перерывая содержимое гигантской кладовой нашей памяти. Для того, чтобы сначала «схватить», а потом и прояснить (создать) для себя свою же суть.

Перед ними предстает огромный, неисследованный и принципиально несследуемый континент памяти, или, пользуясь кантовской терминологией, «вещь-в-себе», которая дается нам фрагментами, никогда полностью не являясь «для-нас» [4]. Это проистекает из того обстоятельства, что человек не контролирует, постоянно и актуально, сферу памяти, это важнейшее и конститутивное для его «я» основание. Это как бы огромная подводная часть айсберга с небольшой видимой частью актуально функционирующего поведенческого «я».

Соответственно, психологическое воспоминание разворачивается по лекалам поведенческой активности, являясь *спонтанно-ассоциативным* процессом, зависимым от характера *ситуации*. Это и есть известная реакция организма, «поведенческого» человека на проблемную ситуацию, требующую своего решения. Она мобилизует прежние знания, навыки, чувства, что и запускает процесс психологического воспроизведения «родственных» ситуации ассоциаций.

В отличие от психологического воспоминание-поиск самости представляет собой определенную и определившуюся модификацию общего потока памяти и характеризуется целеполаганием и целесообразностью. Цель состоит в экспликации, фиксации и полагании (закреплении в имени и понятиях) некоего своего инварианта (совокупности устойчивых свойств) в личностной временной длительности, замыкаемой актуальным состоянием самосознания.

Подобное рефлексующее воспоминание, озабоченное стремлением к самообъективации *в форме необходимости*, приобретает статус «метафизического». Оно не просто призвано объективно воспроизвести индивидуальное качество «я» в ряду других, а ориентировано, по сути, на конструирование и последующее утверждение безусловности и уникальности – этой вот субъективности. Почему оно вообще имеет место быть? Как и любая из «метафизических» потребностей (в Боге, любви и пр.), она принадлежит к сфере воображения (чистого разума) и потому демиургична (интенциональна) для сознания. Конечно, она табуирована во многих современных философских

дискурсах именно как метафизика, потому от нее можно отмахнуться, проигнорировать. Однако эта «метафизическая» потребность неизбежна и постоянно проявляется во многих философски не искусственных умах, потому и продолжает оставаться полем приложения аналитических усилий.

Попробуем прояснить, что представляет собой воспоминание-поиск самости? По-видимому, оно складывается из совокупности мыслительных усилий, куда входят: целесообразная выборка, рафинирование и элементы рационализации.

Целесообразная выборка – это сознательный поиск тех серий воспоминаний, которые наиболее полно, с нашей точки зрения, характеризуют те или иные стороны нашего отношения к жизни и другим людям. Подобные серии манифестируются быстро и спонтанно – во множестве тотчас же появляющихся ассоциаций, инициируемых маркерами-оценками: «хорошо-плохо», «достойно-постыдно» и т.п. Маркеры соотносятся, в большинстве случаев, и с общественной нравственной шкалой добродетелей-грехов, и с уже имеющимся ее индивидуальным аналогом – в зависимости от степени культурной «поле-зависимости» данного сознания.

Ведущей процедурой рефлексирующего припоминания выступает, похоже, рафинирование – «очищение» канвы или линии жизненного поведения индивидуальности от всего несущественного и малозначительного для цели самоанализа. Примыкают к рафинированию и некоторые приемы рационализации: упорядочивание и организация очищенного материала выборочного воспроизведения с использованием идеального «инструментария» – категорий, нравственных критериев, нормативных образцов.

Подобные процедуры, как правило, одномоментны, слитны, и их достаточно сложно четко разграничить. Все же полагаем, что рационализация не играет особо большой роли в припоминании, как это имеет место быть в интеллектуалистском познании.

Вероятно, это определяется синкретичной природой воспоминания как такового, которое всегда имеет необходимую для личностной удостоверенности форму *конкретности*. Конечно, бывает и такое, что человек, чересчур увлеченный какими-то отвлеченными идеями, стремится идентифицировать себя с ними. Он часто просто «насилует» свою память, подгоняя ее содержание к той интерпретации «себя», которую он хотел бы встретить в содержании своей жизни. Также и человек, стремящийся метафизировать свое «я», установить свою самость, конечно же, не может не рационализировать и конструировать. Зачастую, он, на деле, просто сам создает ее, полусознанно подгоняя наиболее подходящий материал воспоминаний под самоуверенные иллюстрации. Известно: кто ищет, тот обрящет [5]. В большинстве случаев, однако, это ригидные личности, скованные какой-то отвлеченной идеей или нарциссическим комплексом.

Напротив, многие люди, будучи наедине с собой, склонны достаточно критично и, в общем-то, сдержанно оценивать свое прошлое, проводя четко удерживаемое различие между своими идеалами и реальными событиями, случившимися с ними ранее. Именно это и сообщает уверенность самосознанию, для которого «объективная память» выступает тем же, что и «практика» для ученого [6]. Но в той же мере память может и обманывать, кто гаранти-

рует нам различие «факта» (в памяти) и его «интерпретации» (в памяти же, и в актуальном сознании)? Везде одно и то же сознание: оно само переживает ситуацию (факт биографии), и оно же его затем само препарирует-анализирует (интерпретация). Причем и эмоциональная память переживания, и память о чувстве, что мы понимаем это переживание, для нас так же бесспорны, как и в самый момент, когда это переживание происходит с нами впервые.

Все дело в том, что для нас наша внутренняя явь столь же убедительна, как и внешняя. В обоих случаях мы чувственно, эмоционально (органами восприятия и внутренним чувством-воспоминанием) убеждаемся в фактичности чего-либо, другими словами, в переживании-понимании определенной значимости чего-либо для нас [7]. Получается, что практика и память для нас экзистенциально равноценны. В первой мы ищем познания мира, достижения успехов и благ, во второй – самопознания, достижения согласия с самими собой, спокойствия и гармонии.

Парадоксально, но поиск самости есть цельное воспоминание, которое очищается нами, медленно и кропотливо, но его рационализация может создавать одномерные химеры. Гармоничность цельности воспоминания основана на соразмерности эмоциональных, образно-чувственных, вербальных, понятийных и др. элементов, вкупе создающих феномен именно «воспроизведения нас самих» в бывшем. Сама рефлексия и основана на постоянном отслаивании и фиксации в сознании целостных «я-образов». Используя метафору археологических раскопок, рационализацию можно уподобить более грубым инструментам (экскаватор, лопата) для освобождения из-под земли культурных артефактов. Вслед этому наступает время для более бережной работы – при помощи археологической кисточки. Подобной «кисточкой» в нашем случае и является рафинирование, которое сохраняет цельность гармоничного воспроизведения, в отличие от абстрагирования как неотъемлемого условия рационализации

Само цельное воспроизведение темпоральных состояний «я» всегда сопряжено с их новым переживанием и эмоциональным освоением [8]. По-видимому, здесь имеет место быть эмоциональная *интросекция* прежних моих темпоральных состояний в мое актуальное «я». Ведь они пребывают в автономной и неподконтрольной действующему разуму сфере существования. Воспоминания, прежние наши темпоральные состояния потому независимы от нас – как бы мы ни хотели забыть или переиначить их, это невозможно, без серьезного трансформирующего события с самим разумом. Потому они всегда как бы вновь нам и переживаемы с почти той же гаммой эмоций. Оценочность и выступает индикатором интросекции, каждый раз вновь и вновь происходит их переоценка, что также входит в условия экзистенциальной непрерывности наших «я».

Базовым же качеством припоминания-поиска самости является погружение настойчивой воли к самоузнаванию и исходных мысленных формулировок в чувственно переживаемое время. То есть здесь сознание как бы и становится временем, *понимает его чувственно*, сливается с ним: посылая свое «я» вдоль темпоральной оси и сосредоточивая в актуальности «теперь» прошлое и будущее.

Крайне важно рефлексирующее припоминание для экзистенциального самочувствия человека [9]. Наряду с пограничными ситуациями оно инициирует в человеке острое переживание неповторимости своих биографических состояний, быстротечности индивидуального времени, относительности количественных критериев в измерении личностных изменений, «разнокачественности» временных состояний личности в зависимости от степени их новизны и событийной плотности.

Важное отличие, однако, в том, что если возникновение и протекание «пограничных ситуаций» (тяжелая болезнь, потеря близких, преддверие смерти, социоприродные катаклизмы и пр.) *внешни* для человека, не зависят от него, то припоминание-поиск самости в материалах своей биографии – процесс, который человек может самочинно вызывать и контролировать. Подобное обстоятельство обуславливает потенциал метафизичности для той индивидуальности, которая осознала свое стремление к самоопределению: мы можем «сделать себя сами».

Активно работающая память восстанавливает прежние эмоциональные состояния – с сопутствующей их оценкой актуальным «я» [10]. И это только один из моментов целостности интроспекции прежних темпоральных состояний в актуальном самосознании. Тут же возникает и поле самоидентификации с самим собой на прежних этапах жизни. И здесь, в интроспекции, актуальное «я» как бы вбирает в себя свои прежние состояния. Ее можно квалифицировать как «самоидентификацию» одномоментную «мне теперь». Так и замыкается непрерывность экзистенциальности, распределенной по личностной биографическо-временной оси» прошлое – настоящее – будущее» Память тем самым актуализирует прошлое и будущее, приводя прошлые и грядущие времена к самоценному и живому, «акмеистическому» всецелому сиюминутному мигу.

Похоже, можно говорить об особом темпоральном статусе – памяти и «я». Возник специфический временной континуум, не имеющий прецедента в известной нам части вселенной. Наше «я», благодаря памяти и целеполаганию, становится своего рода *средоточием времен* (своего рода живой «машинной времени»).

Именно через актуализацию этого живого «теперь», которое и составляет особенность временения нашими «я», рефлексирующее припоминание утверждает непрерывность нашего существования [11]. В воспоминании-поиске себя актуальное «я» понимает и владеет собой – в цельности своих прежних (и будущих) состояний. В свою же очередь, цельность означает наше «я», находящее в особом модусе существования, связанном с памятью, и стремящееся к максимально возможной полноте воспроизведения себя в контексте своего окружения, «моего» мира.

Подытоживая то, что ранее уже обсуждено, можно выразить его результаты в следующем виде. Во-первых, выявлена специфика одной из важнейших процедур в конструировании самоидентичности – рефлексирующего воспоминания, даны характеристики его операций. Во-вторых, показано, что здесь также происходит не только движение фокуса сознания по своему застывшему содержанию памяти, но и обратная активность – эмоциональной интроспекции прежних темпоральных состояний в актуальное «я». Наконец,

в-третьих, продемонстрировано, что рефлексизирующее припоминание, наряду с пограничными ситуациями, инициирует в человеке острое переживание своей экзистенциальности – неповторимости биографических состояний, быстротечности индивидуального времени.

Литература

1. Васильев В. Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти) // НЛО. 2012. 117. <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v36.html>
2. Августин А. Исповедь. Кн.11 // Августин Аврелий. Исповедь: Абелия П. История моих бедствий. М., 1992. С. 160–178.
3. Васильев А.Г. Традиция и культурная память в контексте социальных инноваций // Человек и культура. 2015. № 1. С. 72–91. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.1.14767. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_14767.html
4. Giddens A. Living in a post-traditional society // Beck U. Reflexive modernization: politics, tradition and aesthetics in the modern social order. eds. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. P. 56–109.
5. Грязнова Е.В. Социальная память как элемент культуры // Человек и культура. 2015. № 5. С. 92–106. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.5.16366. URL: http://e-notabene.ru/ca/article_16366.html
6. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004. 728 с.
7. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. 323 с.
8. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. 262 с.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. 348 с.
10. Дахин А.В. Память, история, Вселенная: на пути к новой онтологии реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. С. 19–34.
11. Дахин А.В. Общественное развитие и вызовы коллективной памяти: перспектива философской концептуализации memory studies // Вопросы философии. 2010. № 3. С. 42–45.

Vladimir I. Krasikov. All-Russian State University of Justice (Moscow, Russian Federation)

E-mail: KrasVladlv@gmail.com

DOI: 10.17223/1998863X/39/3

REFLECTIVE REMEMBRANCE IN THE FORMATION OF SELF

Key words: memory studies, consciousness, reflective recollection, reminiscence psychological, purposeful sampling

This article aims to explicate and rationalize some of the procedures of mental operations with the past in the context of the search for their basic identity. We distinguish two types of memory namely psychological and reflective among the mechanisms of reproduction of the last. Psychological recollection is spontaneously associative process and dependent on the nature of the situation of memory updating. Reflective recollection is purposeful and appropriate processes. The goal is to identify invariant in personality temporary storage duration.

We believe that the reflective recollection is a set of mental operations that can be characterized as purposive sampling, refining, together with the rationalization of the elements.

The results of the article can be considered as follows. Firstly, the author reveals the specifics of reflective memory, given the characteristics of its operations. Secondly, the author showed that there is an emotional introjection previous temporal states in the actual content of consciousness. Finally, thirdly, the article demonstrated that the reflective recollection triggers in a person of his experience acute existential.

References

1. Vasilyev, V. (2012) Memory studies: edinstvo paradigmmy – mnogoobrazie ob"ektov (Obzor angloyazychnykh knig po istorii pamyati) [Memory studies: The unity of the paradigm – the variety of objects (Review of English books on the history of memory)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 117. [Online] <http://magazines.russ.ru/nlo/2012/117/v36.html>.

2. Augustine Aurelius. (1992) *Ispoved'* [Confession]. Moscow: Respublika. pp. 160–178.
3. Vasilyev, A.G. (2015) Traditsiya i kul'turnaya pamyat' v kontekste sotsial'nykh innovatsiy [Tradition and cultural memory in the context of social innovation]. *Chelovek i kul'tura*. 1. pp. 72–91. [Online] Available from: http://e-notabene.ru/ca/article_14767.html. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.1.14767
4. Giddens, A. (1994) Living in a post-traditional society. In: Beck, U., Giddens, A. & Lash, S. *Reflexive modernisation: Politics, tradition and aesthetics in the modern social order*. Stanford, CA: Stanford University Press. pp. 56–109.
5. Gryaznova, E.V. (2015) Sotsial'naya pamyat' kak element kul'tury [Social memory as an element of culture]. *Chelovek i kul'tura*. 5. pp. 92–106. [Online] Available from: http://e-notabene.ru/ca/article_16366.html. DOI: 10.7256/2409-8744.2015.5.16366
6. Rikoeur, P. (2004) *Pamyat', istoriya, zabvenie* [Memory, History, Oblivion]. Translated from French by I.I. Blauberg, I.S. Vdovina, O.I. Machul'skaya, G.M. Tavrizyan. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoy literatury.
7. Berger, P. & Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social Construction of Reality. A Treatise on the Sociology of Knowledge]. Translated from German by E. Rutkevich. Moscow: Medium.
8. Jung, K.G. (1991) *Arkhetip i simvol* [Archetype and Symbol]. Translated from German. Moscow: Renessans.
9. Halbwachs, M. (2007) *Sotsial'nye ramki pamyati* [Social Framework of Memory]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
10. Dakhin, A.V. (2012) Pamyat', istoriya, Vselennaya: na puti k novoy ontologii real'nosti [Memory, history, the universe: on the way to a new ontology of reality]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*. 1. pp. 19–34.
11. Dakhin, A.V. (2010) Obshchestvennoye razvitiye i vyzovy kollektivnoy pamyati: perspektiva filosofskoy kontseptualizatsii memory studies [Social development and the challenges of collective memory: the prospect of philosophical conceptualization of memory studies]. *Voprosy filosofii*. 3. pp. 42–45.